

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЛИК РЕГИОНОВ

Рецензия на кн.: Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России / Михаил Петрович Крылов – М. : Новый хронограф, 2010. – 240 с.

На настоящий момент успело превратиться в общее место обществоведческого дискурса утверждение о региональном ренессансе в современном мире. Он рассматривается как оборотная сторона глобализационных процессов. Именно на уровне регионов происходит формирование институциональных комплексов, обеспечивающих целостное воспроизводство социальной жизни, что ведет к возникновению уникальных жизненных миров. Последнее обстоятельство важно для сохранения вариативности социального развития как предпосылки появления разных ответов на вызовы современного мира.

Чаше всего пока и в социологии, и в географии регионы рассматриваются исключительно через призму макропоказателей (экономическая структура, поселенческая структура, демографическая структура, этническая структура и т. д.). Регионы, по мнению автора монографии, анализируются с точки зрения проявления более общих процессов, будь то экономическая динамика или нациестроительство, понимаемых лишь экстерриториально, либо как арена действия чисто местных явлений, которые важны сами по себе, но значимость которых ограничена сугубо локальными рамками. При этом от исследователей ускользает именно тот жизненный мир, который в первую очередь влияет на жителей региона, благодаря которому регионы образуют неповторимые целостности, тесно переплетающиеся и с макромиром, и с локальными явлениями. Работа М. П. Крылова и призвана восполнить неполноту восприятия да и просто слабую изученность этой реальности. Сам автор резонно замечает в начале своего исследования: «Нужна совсем другая оптика восприятия реальности – важны не только специфика и не только «различия от места к месту», но и наличие внутреннего видения территории как особого космоса, сочетание взгляда изнутри со взглядом извне» (с. 12).

Монография М. П. Крылова построена как разворачивание перед читателем эмпирически ориентированной теории среднего ранга. Три первые главы входят в первую часть исследования, носящую название «Методология и методика изучения региональной идентичности», последующие четыре главы составили вторую часть книги «Региональная идентичность в современном российском социуме». Части книги органически между собой связаны, но я в дальнейшем сосредоточусь на теоретических аспектах исследования, что обусловлено моим выбором, а не особенностями текста рецензируемой книги.

Начну с опорных для исследования понятий «регион» и «региональная идентичность». Каждое из них автор определяет гипертекстуально, превращая страницы своей книги в место диалога и взаимодействия различных научных школ. Регион связывается с понятием «место», которое вслед за Тимом Крессвеллом (Cresswell) признается центральным понятием географии. Попутно замечу, что оно разделяет судьбу большинства подобных понятий, оставаясь семантически пустым. Далее автор отталкивается от понимания региона, предложенного А. Е. Левинтовым, согласно которому «это самодостаточный и уникальный по содержанию элемент социума *западного типа*, определяющий структуру (не только пространственную) этого социума» (с. 16). Неопределенность и двусмысленность данного определения исправляется постепенно. В одном месте М. П. Крылов отмечает связь региона с поселенческой структурой: «Регион – это «семейство» населенных пунктов, где каждый населенный пункт сохраняет свою индивидуальность, а во многом – и самостоятельность» (с. 22). В другом месте он пишет: «Необходимо противопоставить понятия «регион» и «цивилизация», считая регион структурной частью цивилизации» (с. 41). Уже, исходя из этого, автор вводит интересное деление на регионы-ячейки и регионы-страны. В качестве примеров первых приводятся графства Англии,

исторические области Чехии и Словакии, а примерами вторых служат Север и Юг Франции, Урал в России. Согласно М. П. Крылову у этих типов регионов разное предназначение – ячейки обеспечивают устойчивость, а страны – различные варианты развития цивилизации. «Ячеистость, мозаичность активизируют местное самосознание, способствуют наиболее полному «переходу» локального самосознания в региональное. <...> Регионы – страны могут служить базисом для взаимодополняющих, взаимозаменяемых или же альтернативных вариантов развития, в пределе – разных, иногда – несовместимых векторов развития целой цивилизации (например, большая часть Юга Франции до XVII в. была альтернативой Северу Франции, представляя собой уникальный феномен южно-европейского кальвинизма). Наличие таких вариантов полезно, но автоматически оно не повышает надежности цивилизационной системы, поскольку каждый вариант, связанный с каким-либо регионом-страной, занимает свою собственную специфическую «экологическую нишу» (с. 42).

Для различения административных образований и естественно возникших пространственных форм автор использует понятие неформального региона. Появление и своеобразную эволюцию последних он рассматривает в контексте «исторических провинций» (с. 84 – 102). Последнее понятие тоже не отличается определенностью, но контекстуально может быть понято, например, как месторазвитие субэтнических общностей, характеризующееся большой исторической длительностью. Можно сказать, что территория любого этноса/суперэтноса всё время его существования связана с подобными местами. Регионы выступают одним из способов их оформления. М. П. Крылов пишет: «В целом представляется, что с *историко-географической точки зрения в Европейской России все же существуют реальные, устойчивые ячейки геокультурного пространства – которые могут считаться «историческими провинциями»* и быть предпосылкой для неформальных регионов» (с. 102).

Регион автором книги рассматривается в неразрывной связи с региональной идентичностью. Последнее понятие автор тоже постоянно уточняет. Вначале он отражает нынешний общий теоретический контекст: «Понятие «идентичность» в настоящее время считается наиболее общим и универсальным в круге понятий, которые описывают совокупность качественных и количественных характеристик, сопряженных со *специфичностью* какого-либо данного *географического индивида*» (по Л. С. Бергу) (с. 12 – 13). Специфику своего видения М. П. Крылов выражает следующим образом: «...**региональная идентичность** – это системная совокупность культурных отношений, связанных с понятием «**малая родина**» (с. 13).

С точки зрения автора, важнейший аспект региональной идентичности – это «воля к жизни и развитию на данной территории, способность к социокультурной, гражданской и экономической активности» (с. 20). В этом контексте особенно важна фраза автора, раскрывающая замысел работы в контексте российской истории: «...В культуре и психологии людей не все поддается государственному вмешательству, а многое, к счастью, соответствует формуле: «сила действия равно силе противодействия». За пределами государственного регулирования оставались многие важные структуры и многие процессы в обществе «шли своим путем»...» (с. 8).

Приведу далее несколько цитат, уточняющих понятие региональной идентичности (РИ). «Региональная идентичность рассматривается автором как выраженный в географическом пространстве социокультурный феномен, одновременно характеризующийся как *массовыми* (по характеру носителей этого феномена), так и *элитарно-уникальными* чертами (элитарными для носителей феномена и уникальными для территории и для наблюдаемых черт окружающей действительности)» (с. 20). «...**РИ охватывает широкий спектр отношений, связанных с местным проявлением культуры укоренности, включая различные маргинальные формы, обусловленные её вырождением, а также с взаимодействием культуры укоренности с культурой мобильности**» (с. 28).

Очень интересными являются размышления М. П. Крылова о связи РИ с отношениями ядер и границ регионов. Он пишет: «Формирование РИ связано с

существованием своих собственных (связанных с идентичностью) *ядер* и *границ*, а также с существованием культурно-исторических *границ* вообще. При этом для РИ ядра всегда объективны, а границы могут быть объективными (в качестве самостоятельного фактора самоидентификации или как внешнее ограничение) либо иметь субъективно-психологический характер» (с. 103). Это позволяет автору выйти на проблему региональных систем, понимаемых им как структурированная континуальность (с. 105). Само это понятие вводится М. П. Крыловым.

Общую теоретическую рамку рассмотрения региональной идентичности в Европейской России задает давний спор о наличии в её пределах местного своеобразия. Автор в самом начале исследования говорит о двух главных традициях: «Традиции А. Д. Градовского – М. П. Погодина – С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова – А. П. Щапова давали противоположные ответы на вопрос о региональной идентичности в России». (с. 14). Первые три автора обосновали вывод, согласно которому социокультурная специфика России состоит в слабости местного своеобразия. Сейчас он вновь приобрел популярность, но уже под брендом англицизма «аспатиальность», введенного в русскоязычный дискурс Леонидом Смирнягиным. Второй подход предполагает, что историю России без регионально-областного подхода написать вообще невозможно.

М. П. Крылов показывает, что оба подхода имеют основания в реальной действительности. Становление Московского государства и Российской империи действительно предполагало угнетение местного своеобразия. Например, «...подъем общественный (и этнический) XVIII – начала XIX в. в России сопровождался упадком регионального сознания» (с. 80). Признавая также недостаточную развитость «ячеистости» российского пространства, автор все же больше склоняется к позиции Н. И. Костомарова – А. П. Щапова. В связи с этим он анализирует развитие городских областей и заключает: «Русская культура, как и всякая другая культура, ориентирует человека на любовь к малой родине. Однако для русской культуры (в отличие от российских цивилизационных и государственных структур) характерна нежесткость и относительная независимость от внешних факторов, определяющая свободный выбор индивидов в самоидентификации» (с. 209).

Автором проделана огромная работа по эмпирическому изучению региональных идентичностей в Европейской России. Итогом стало представление о РИ как о сложном образовании, включающем в настоящий момент транстрадиционную, традиционалистскую и надтрадиционную идентичности. Первая из названных РИ выходит за рамки традиции, но не порывает с ней, последняя связана с выходом за пределы традиции. Для агрегирования результатов массовых опросов М. П. Крылов предложил интегральный индекс РИ (с. 127). Сам автор считает, что этот инструмент мог бы позволить российским обществоведам использовать аргументы, связанные с РИ, в современных дискуссиях о традициях и модернизации, о самобытности и о подобию Западу, о «русской идее» и «национальной идее», о российской и русской нации, и во многих других. В то же время для классических этнографов и этносоциологов должны быть интересны социопсихологические портреты жителей Центральной России (с. 155 – 163; с. 171 – 181). Автор детально обсуждает разные стороны феномена «местных» (с. 150 – 155), обращая при этом особое внимание «на местных по убеждению», учет существования которых позволяет по-иному взглянуть на последствия происходивших в течение 20 века в России миграций населения, которые, как считают многие авторы, привели к массовой неукорененности и в конечном счете – к маргинализации весьма значительной части населения. В монографии показано, что это утверждение не обязательно верно: его опровергает, в частности, именно существование «местных по убеждению» (см. с. 150 – 151 и др.).

Эмпирические обобщения М. П. Крылова представляют ценность и для развития теории региональных отношений. Так, изучая случаи Костромской области, Мичуринска и Твери он предложил понятие «стресс соседства». Используя введенные индикаторы, автор зафиксировал связь местного патриотизма и вестернизированности

местных сообществ: «...Интересно и важно, что наиболее высокий уровень местного патриотизма по сути оказывается тождественным повышению вестернизированности» (с. 216). Автор показывает, что именно из первого вытекает второе, а обратное не всегда верно. М. П. Крылов особое значение придает обсуждению с использованием большого фактического материала вопроса о связи региональной идентичности и развития экологических («зеленых») движений (с.186 – 199). Достаточно интересен феномен «экологической депрессии», зафиксированный автором (с.193 – 195).

Работа М. П. Крылова вызывает желание спорить с автором. Например, мне представляется неприемлемым использовать понятие «регион» для всех эпох. Автор же спокойно говорит о «региональном устройстве» Древнерусского государства. Справедливости ради, нужно отметить, что при этом он ссылается на работы историков, которые пытаются показать специфику самосознания жителей древних русских земель (см.: с.90, с.96). Несоразмерно регионы атрибутированы исключительно цивилизациям. Для случая России в определенной теоретической перспективе (школа В. Л. Цымбурского) это может быть терпимо, но на универсальность претендовать не может. Некоторые понятия фактически приписаны тем, кто их лишь употребляет. Так, например, понятие «большое общество» приписывается А. Г. Ахизеру, хотя оно восходит к классической работе А. Смита «*Исследование о природе и причинах богатства народов*».

Меня не удовлетворяет и слишком большое полагание исследователя на метафоры, вместо строго логических определений понятий. Например, он предлагает измерять «силу» РИ, говоря: «*Поддающаяся измерению «сила» РИ чаще относится к местному патриотизму*» (с. 69). Местный патриотизм, для автора, – это внутренний ресурс РИ. Он объединяет мобильность и укорененность. Но далее патриотизм противопоставляется укорененности: «*Укорененность указывает на вписанность в местный контекст, включая пассивные формы, патриотизм – на активный и позитивный выбор в широком контексте*» (с. 70). Такое движение мысли обусловлено перенесением в исследуемую область концептов из разных других наук или искусств («сила» из физики, «контекст» – из литературоведения, «вписанность» – из живописи). Они объединяются в творческой лаборатории автора, благодаря именно его индивидуальному географическому воображению. Из-за этого возникает мнение как индивидуальное предположение о природе действительности.

Впрочем, я далек от того, чтобы считать это абсолютным недостатком работы. Метафоры в работе М. П. Крылова непосредственно связаны с эмпирическим материалом и его анализом. Такая ситуация возникает всегда на переднем крае всех наук. Метафоры выполняют позитивную роль, давая возможность научной мысли осваивать новые проблемы.

Важнее другое. М. П. Крылов создал очень плотный, культурно насыщенный текст, который создает богатые понятийные возможности для существенного продвижения исследований региональных систем в странах современного мира. Отрадно, что он постоянно обращается к работам классиков украинской науки – Н. И. Костомарова и М.С. Грушевского, к опыту жизненного мира российско-украинского пограничья. Все это дополнительно делает рецензируемую книгу чрезвычайно ценной как для российского, так и для украинского научного сообщества.

Кононов И. Ф.
д. соц. н., профессор